

— Не плачь, я говорю всё это не для того, чтобы расстроить тебя, — тихо вздохнул Чжоу Цзыфэй.

Он крепче прижал Шэнь Цзя к себе и, наклонившись, осторожно стер его слёзы. Но едва сухие тёплые пальцы коснулись кожи, как из глаз снова хлынули капли. В объятиях Цзыфэя Шэнь Цзя казался озером в разгар сезона дождей: вся выплескивавшаяся из него печаль уходила в надежную, твердую землю, готовую принять любую его боль.

— Тогда... тогда зачем ты всё это говоришь? — уткнувшись лицом в грудь Чжоу Цзыфэя и не давая больше вытирать слёзы, глухо спросил Шэнь Цзя. Голос его дрожал и хрипел от всхлипов.

Прижавшись подбородком к мягкой макушке Шэнь Цзя, Цзыфэй медленно поглаживал его по спине, от плеч к пояснице, словно баюкал плачущего ребенка.

— Не хочу, чтобы ты грустил. Хочу, чтобы ты знал: ты замечательный. И ты заслуживаешь самого лучшего.

Услышав это, Шэнь Цзя поднял голову. Сквозь пелену слез его глаза блестели, точно темные драгоценные камни, а влажные ресницы слиплись по углам.

От этого взгляда, полного смятения и глубоких чувств, у Чжоу Цзыфэя перехватило дыхание. Рука, гладившая спину, замерла.

Человек в его объятиях был одет в его свитер и укутан в его пальто. Темные пряди хаотично рассыпались по плечам, и весь он пропитался знакомым запахом Цзыфэя. Прижимаясь к нему, Цзыфэй физически ощущал, как мерно поднимается и опускается грудь Шэнь Цзя, как его едва слышное сердцебиение отзывается в его собственном теле.

И сейчас Шэнь Цзя тихо смотрел на него снизу вверх, слегка приоткрыв влажные, алые губы.

Цзыфэю на миг показалось, будто он бредит — иначе откуда бы взялся этот густой, сладкий аромат, доносившийся, казалось, с самого дыхания Цзяцзя?

Спустя неисчислимое мгновение Шэнь Цзя подался вперед. Сжав пальцами лацканы пальто Цзыфэя, он приподнялся, приближая свое лицо.

— Цзыфэй... спасибо тебе.

Это «спасибо» слетало с его губ неединожды, но никогда еще оно не звучало так мягко, так интимно. Горячее дыхание на миг коснулось уха Цзыфэя, а затем пальцы Шэнь Цзя разжались.

Он выпрямился и, не снимая рук с плеч Цзыфэя, посмотрел на него. На заплаканном лице заиграла тихая, светлая улыбка.

Если в мире и существовала связь душ, то в эти несколько секунд молчаливого визуального контакта Цзыфэй был абсолютно уверен: Шэнь Цзя ждет поцелуя.

Обхватив его за талию, Цзыфэй начал медленно наклоняться.

Утренний поцелуй был наполовину выпрошенным, наполовину уговором; этот же порыв рождался из чистого, неконтролируемого чувства. Или... из взаимности.

От этой мысли сердце Цзыфэя болезненно сжалось. Он замер в миллиметре от его губ и в оцепенении уставился на Шэнь Цзя, не в силах поверить собственным догадкам.

Разум отключился от оглушительного счастья. Дыхание Цзыфэя, обжигавшее кожу Цзяцзя, стало тяжелым, а ладонь, поддерживавшая его за затылок, заметно дрожала.

Шэнь Цзя уже прикрыл глаза и, залившись румянцем, слегка приоткрыл рот, ожидая прикосновения. Но продолжения не последовало. Смущенный и озадаченный, он разомкнул веки и наткнулся на ошеломленный, почти глуповатый взгляд Цзыфэя.

— Ч-что такое? — Шэнь Цзя нерешительно прикусил губу и отвел взгляд, сгорая от стыда за то, с какой нетерпеливостью только что ждал этого поцелуя.

— Ты... Учитель Шэнь, неужели ты... — хрипло пробормотал Цзыфэй. Пальцы на талии Цзяцзя сжались крепче, отчаянно хватаясь за зародившуюся надежду.

— Что «я»? — Шэнь Цзя сдвинул брови, пытаясь скрыть смущение и справиться с внезапной неловкостью.

Цзыфэй судорожно сглотнул. Его ладонь переместилась на затылок Цзяцзя, зафиксировав его голову так, чтобы тот не смог отвернуться.

— Шэнь Цзя... я тебе хоть немного нравлюсь? Ты... ты согласен принять меня? Согласен попробовать быть со мной?

Если первая фраза прозвучала относительно сдержанно, то в последней сквозила с трудом подавляемая мольба.

Шэнь Цзя хлопнул ресницами и попытался отвести взгляд, но Цзыфэй осторожно, как котенка за шкурку, придержал его за холку. Горячая, сухая ладонь, обхватившая нежную кожу на затылке, заставила Шэнь Цзя сладко обомлеть; все порывы уклониться от ответа мгновенно

улетучились.

— М-м... — Он опустил голову и уперся взглядом в грудь Цзыфэя, так и не решившись произнести четкое «да».

Грудь Цзыфэя судорожно вздымалась, сердце молотило как бешеное. Прикрыв глаза, он сделал глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки.

Когда он снова открыл глаза, в них читалась лишь сдержанная, бесконечная нежность.

— Ничего страшного. Не хочешь — не говори. Я буду вести себя как прежде... Я могу подождать. Подожду, пока ты сам не захочешь мне довериться. У нас впереди еще полно времени.

К такому сокровищу, как Шэнь Цзя, требовался особый подход — максимум терпения, чуткости и ласки.

Цзыфэй снова притянул его к себе и тихо поглаживал по спине, баюкая глухими успокаивающими словами: «Не торопись, не нужно...» — то ли успокаивая Цзяцзя, то ли отдавая приказ самому себе.

И он совершенно не заметил, как Шэнь Цзя в его объятиях с хитринкой приподнял голову.

Губы Цзяцзя тронула лукавая улыбка, а глаза прищурились, точно два полумесяца.

— Ты уверен, что совсем не торопишься? — беспечно переспросил он. В его глазах плясали солнечные зайчики, придавая взгляду удивительное оживление.

Цзыфэй замялся и медленно опустил взгляд.

На правой щеке Шэнь Цзя отчётливо проступила сладкая ямочка. Цзыфэй был слишком оглушен происходящим, чтобы вовремя распознать этот подвох.

— Я...

Едва переведенное дыхание снова сбилось, а с трудом успокоенное сердце опять заколотилось о ребра.

— Я согласен, — перебил его Шэнь Цзя, не выдержав паузы.

Упершись ладонями в грудь Цзыфэя, он чуть подался вверх. Воздуха между ними коснулся

легкий, сладковатый аромат, а мгновением позже теплые нежные губы прикоснулись к подбородку Цзыфэя.

— Согласен?.. — бессознательно эхом отозвался тот.

С чем согласен?

Он посмотрел вниз. Шэнь Цзя улыбался ему — чисто, смущенно, и от этого его бледные щеки тронул едва заметный нежный румянец.

До Цзыфэя наконец дошел смысл сказанного.

По коже мгновенно побежали мурашки, а жажда и жар с подбородка волной захлестнули всё лицо. Это короткое касание обдало его зноем сильнее любого поцелуя.

"Шэнь Цзя поцеловал его сам."

"Шэнь Цзя ответил ему взаимностью."

"Шэнь Цзя согласился быть с ним."

"Теперь они вместе."

Эти мысли кружились в голове ураганом, отчего перед глазами всё поплыло. Оглушенный захлестнувшим его чувством, Цзыфэй тут же подхватил Шэнь Цзя за подбородок, не дав тому отстраниться. Из-за резкого движения переносица Цзыфэя задела щеку Цзяцзя, обдав ее горячим сбивчивым дыханием.

Он мертвой хваткой сжал его в объятиях, зарывшись лицом в изгиб плеча.

Шэнь Цзя лишь обнял его в ответ за поджарую талию и с мягким, почти снисходительным потворством позволил уткнуться себе в шею.

Спустя секунду у самого уха раздался глухой, прерывистый голос Цзыфэя:

— Правда?

Шэнь Цзя мягко гладил его по жестковатым, коротко стриженным волосам.

— Правда.

Цзыфэй сжал его еще сильнее, словно пытаясь растворить в себе:

— Ты... правда будешь... со мной?

Шэнь Цзя сначала кивнул, но, сообразив, что Цзыфэй не видит, тихо угукнул в ответ.

В этот миг весь мир вокруг будто взорвался конфетти и фейерверками; Цзыфэй почувствовал, как взлетает в воздух, точно легкий воздушный шар.

В комнате воцарилась тишина.

Шэнь Цзя уже собрался что-то сказать, как вдруг ощутил на шее прохладную влагу. Капля скатилась ниже, за воротник.

— Ц-Цзыфэй?.. Что с тобой? — испугался Шэнь Цзя, пытаясь приподнять его лицо за подбородок. Но тот уперся и лишь сильнее уткнулся ему в грудь.

От этого толчка Шэнь Цзя чуть не потерял равновесие. Он охнул, полетев назад, но Цзыфэй вовремя придержал его за талию, возвращая в исходное положение.

— Да что случилось-то? Я ведь согласился... Ты что, не рад? — ласково спросил Шэнь Цзя, прислонившись спиной к подлокотнику дивана и обняв его за широкие плечи. Под тонкой тканью домашней одежды перекачивались натянутые мышцы.

— Как это не рад?! Я счастлив! Я невероятно счастлив! — Цзыфэй резко вскинул голову. Глаза его покраснели, а по щекам текли слезы.

— Тогда почему ты плачешь? — Шэнь Цзя осторожно стер слезинки у него с ресниц.

Темная прядь выскользнула из-за уха и упала на щеку. В этом полумраке, с бледной кожей и мягким, умиротворенным взглядом, он казался сошедшей с холста тонкой акварельной живописью.

Этот вид был настолько прекрасен, что у Цзыфэя снова перехватило горло.

— Учитель Шэнь... тебе не следовало соглашаться так быстро. Я... я ведь еще ничего не сделал. Я недостаточно хорош для тебя.

Цзыфэя не покидало чувство вины. Каждый раз, когда в памяти всплывал образ того бледного, холодного Шэнь Цзя в переполненной ванне, его сердце сжималось от ужаса. Он ненавидел себя за то, что не появился в его жизни раньше, не забрал его силой, а предпочёл трусливо

наблюдать со стороны.

Даже если Шэнь Цзя был женат, Цзыфэй должен был вмешаться, вырвать его из рук Юй Сянхана, а не стоять в стороне. Перед этим человеком он навечно оставался в долгу.

— Ну что за глупости? — бессильно улыбнулся Шэнь Цзя и погладил его по растрепанным волосам, расправляя непослушные пряди. — Ты ведь сам сказал, что выбор за мной. Так какая разница, «достаточно» или «недостаточно», если мой ответ — «да»?

В его голосе зазвучали мягкие, убаюкивающие интонации, словно он разговаривал с капризничавшим ребенком.

— Но...

— Никаких «но», — Шэнь Цзя ткнул пальцем ему в лоб, сделав строгое лицо. — Мы же договорились: всё будет по-моему. Я хочу быть с тобой. И что, ты теперь будешь отнекиваться и отказываться?

Прежде он ни с кем не позволял себе говорить так капризно и игриво. Едва слова слетели с губ, как щеки вспыхнули, а взгляд смущенно метнулся в сторону.

— Если... если ты не хочешь, я уйду. И вообще, отпусти меня...

Он попытался подняться, совершенно позабыв о том, что находится в собственной квартире, и ведя себя так, будто хозяйничал тут Цзыфэй.

— Ну уж нет! — Цзыфэй тут же сгреб его обратно в охапку, мгновенно позабыв про все свои сомнения.

Повалив Шэнь Цзя на диван и блокируя любую возможность выскользнуть, он торопливо зааговаривал:

— Не уходи! Я хочу! Я до смерти хочу быть с тобой! Всегда быть вместе! Учитель Шэнь, я так счастлив, что ты согласился... Ты даже не представляешь, как! Я буду слушаться тебя во всем, честно! Только не уходи...

Он сбивчиво повторял одно и то же, раз за разом уверяя, как сильно жаждет остаться.

Оглушенный этой горячей, исступленной радостью, Шэнь Цзя лишь смущенно лежал под ним, даже не думая сопротивляться.

— И что теперь?.. — пробормотал Цзыфэй и осекся.

Голос пропал. Шэнь Цзя сжимал пальцами ткань его домашней кофты на талии. На лице его пылал густой румянец, а из-под опущенных ресниц проглядывал влажный, стыдливый взгляд. Приоткрытые губы слегка манили чистотой и свежестью, точно бутон, готовый распуститься перед случайным путником.

— Теперь?.. — тихим шепотом переспросил Шэнь Цзя.

Громкий судорожный сглоток прорезал тишину комнаты. Щеки Цзяцзя вспыхнули еще ярче: в этом неосторожном звуке отчетливо прозвучала неприкрытая похоть.

— Теперь... можно твоему парню продолжить то, что он начал? — хрипло спросил Цзыфэй, наклоняясь ниже. Его мускулистая рука перехватила тонкое запястье Шэнь Цзя над его головой.

— То, что... м-м-м...

Слова потонули в поцелуе.

Пальто свалилось с плеч Шэнь Цзя на пол. Из-за жара, наполнившего комнату, свитер вскоре тоже оказался задран.

Ощув ладонями шелковистую, податливую кожу, Цзыфэй тяжело задышал. Он действительно перешел к делу: сминал, ласкал и дразнил чувствительную плоть пальцами, проявляя дорвавшуюся до желанного тела властность. На правах новоиспеченного парня он безжалостно забирал себе всё без остатка.

\*\*\*

Шэнь Цзя впился пальцами в ткань диванной обивки, а другой рукой отчаянно вцепился в плечо Цзыфэя, глубоко вонзая ногти в его напряженные мышцы.

— Малыш... не надо так, а то я... не сдержусь, — сжав зубы, сдавленно прорычал Цзыфэй, проглотив слишком откровенное и грубое слово.

Прерывистые вздохи, тихий стон у самого уха и эти цепкие пальцы на плече окончательно лишали его рассудка, унося мысли в сторону куда более непристойных действий. И без того тесные домашние штаны теперь немилосердно жали.

Шэнь Цзя и сам не понимал, что с ним происходит. Недосказанный, обжигающий намек Цзыфэя отозвался в нем одновременно испугом и сладостной дрожью, пробежавшей вдоль

позвоночника.

Заметив эту вздрагивающую реакцию, Цзыфэй тут же мысленно проклял себя. Решив, что его резкие слова разбудили в Цзяцзя дурные воспоминания, он поспешно подхватил его под обмякшую талию, придвигая ближе к подлокотнику, чтобы разорвать слишком тесный контакт.

— Прости меня, сокровище...

— Не бойся, я ляпнул глупость... Не буду я этого делать...

— Ты моя самая драгоценная принцесса, я никогда не причиню тебе боли...

Нежные, искупающие вину поцелуи посыпались на щеки Шэнь Цзя. Бархатный, успокаивающий голос усыпил осторожность, и Шэнь Цзя, решив, что Цзыфэй снова просит разрешения поцеловать его, доверчиво подался навстречу и приоткрыл губы:

— Можно... целуй...

Ласковые прикосновения тут же пресеклись.

В следующую секунду дикий, неукротимый порыв лишил его и дыхания, и голоса.

Солнце поднималось всё выше, заливая гостиную ярким светом. Солнечный луч осветил половину дивана.

Разгоряченное лицо Шэнь Цзя оказалось на самом свету. Он лежал, откинув голову на подлокотник, а по его гладкому лбу плясали зайчики. Веки были плотно сомкнуты, и под ними трепетали глазные яблоки.

Если смотреть только на верхнюю половину его лица, казалось, будто он просто беспокойно дремлет, защищаясь от яркого солнца.

Но глядя ниже... Щеки его слегка раздулись, рот был до отказа залит глубоким, властным поцелуем, и он беспомощно принимал это вторжение.

Они целовались так долго, что у Шэнь Цзя затекли уголки губ. Пряди у висков вымокли — то ли от слез, то ли от слюны, которую он не успевал глотать.

— Ха-а...

Выгадав мгновение, чтобы глотнуть воздуха, Шэнь Цзя отвернулся и слабо уткнулся ладонью в

плечо Цзыфэя:

— Хватит... больше нельзя...

Сбившимся дыханием он отер воспаленные губы тыльной стороной ладони, оставив на фарфоровой коже влажный след.

Цзыфэй аккуратно отер подушечкой большого пальца капельку у него с подбородка и прижался губами к его теплоте от солнца лбу.

— Хорошо, больше не буду.

Глухой, хриплый голос выдавал с головой: он был далеко не удовлетворен, а лишь с трудом сдерживал себя.

Они сидели обнявшись, слушая дыхание друг друга, пока бушевавший внутри шторм окончательно не утих, и лишь потом нехотя выпрямились.

— И что... мы теперь будем делать? — засыпая на ходу в его объятиях, пересилил себя Шэнь Цзя.

— А чего бы моему сокровищу хотелось прямо сейчас? — Цзыфэй выговаривал слово «сокровище» с особым удовольствием.

Он нежно сжал его покрасневшую мочку, но под влажным, миролюбивым взглядом Цзяцзя с улыбкой убрал руку.

— Я...

Закончить Шэнь Цзя не успел — в комнате внезапно зазвонил телефон Цзыфэя.

Мазнув взглядом по экрану, Цзыфэй нахмурился.

— Ответь, а я уйду в спальню, — потянулся Шэнь Цзя.

— Не надо, тут нет никаких секретов от тебя.

Он удержал его в объятиях и нажал на кнопку ответа.

— Тебя всю ночь не было дома. Твой племянник рыдает и кричит, что ты пошел к Учителю

Шэнь наговаривать на него. Теперь он напрочь отказывается от завтрака. И что мне с этим делать?

Шэнь Цзя смутно распознал женский голос в динамике.

— погоди секунду, — спокойно ответил Цзыфэй и, повернувшись к Шэнь Цзя, мягко спросил:

— Не согласится ли Учитель Шэнь поехать со мной и вместе успокоить Чжоу Цзяи?

В его взгляде читалась безграничная нежность, смешанная с затаенной надеждой.

"Поедешь ли ты со мной домой? Позволишь ли официально представить тебя моей семье?"

Именно эти слова Шэнь Цзя явственно прочел в его глазах.

<http://bllate.org/book/19971/1985938>